

Автор перевода: Йанне

Stephen King, Owen King

Sleeping Beauties

1

Ри спросила Жанет, пробовала ли она наблюдать за квадратиком света от окна. Та отвечала, что нет. Ри лежала на верхней шконке, Жанет — на нижней. Обе ждали, когда камеры отопрут на завтрак. Очередное утро из многих.

По словам сокамерницы выходило, что она провела целое научное наблюдение за квадратом. Дескать, он спускался со стены напротив окна — всё ниже, ниже и ниже скользил, перепрыгивал на столешницу, а потом плюхался на пол. Жанет и сама теперь видела безумно яркое пятно на полу.

— Ри, — протянула Жанет. — Ну какое мне может быть дело до квадратика света?

— Так я и говорю: тебе ДОЛЖНО быть до него дело! — С верхней койки донеслось что-то похожее на гудок автомобиля: так Ри выражала веселье.

— Ну ладно. Пусть я ни хрена тебя не поняла. — В ответ лишь снова гудение.

Ри была ничего девчонкой, но, словно младенец, бесилась от тишины. Она сидела за кредитное мошенничество, подделку документов и хранение наркотиков с целью продажи. Ни того, ни другого, ни третьего толком не умела, что и привело её за решётку.

Жанет же сидела за убийство: одной зимней ночью в 2005-м ткнула муженька своего, Дамьяна, в пах отвёрткой, а тот до того накурился, что так и сидел в своём кресле, пока не истёк кровью. Ясен пень, сама она тоже ничего не соображала.

– Я за стрелками на часах смотрела, – продолжила Ри.
– Засекала время. Двадцать две минуты, чтоб пятно света добралось от окна до вон того места на полу.

– Ну, звони в Гиннесс, – равнодушно ответила Жанет.

– Прошлой ночью приснилось, как я ем шоколадный торт с Мишелью Обамой. Она ругалась: «Да ты вся разжиреешь, Ри!» – а сама тоже лопала за милую душу. – Снова гудение. – На самом деле нет. Наврала я. Мне снилась учительница одна. Она всё повторяет, что я не в тот класс пришла, а я говорю, что в тот, и она такая: «Ну ладно» – и учит, а потом опять повторяет, что класс не мой, а я говорю, что мой, и опять всё по кругу. Тоска смертная. А тебе чего снилось, Жанет?

– Ах... – Жанет безуспешно попыталась припомнить. Похоже, от новых лекарств сон сделался глубже. Раньше порой снились кошмары про Дамьяна, выглядевшего точь-в-точь как он выглядел наутро, мёртвый: синеватая кожа с прожилками, напоминающими потёки ещё не высохшей туши.

Жанет спрашивала у доктора Норкросса, не кажется ли ему, что кошмары вызваны чувством вины. В ответ врач глянул с этим своим прищуром, словно бы говорящим: «Да ты что, придуриваешься, детка?» – который когда-то (давно) выводил её из себя. А затем спросил, не сдаётся ли ей, что у всех кроликов обвислые ушки. Угу, конечно. Понятно. Так или иначе, по кошмарам Жанет не скучала.

– Извини, Ри. Ничего. Может, и было что, да не вспомнить.

Откуда-то из коридора второго этажа крыла Б доносился мерный стук ботинок по цементу: надзиратель проверял что-то в последние минуты перед открытием камер.

Жанет закрыла глаза. Напрягла воображение. В нём тюрьма развалилась. Лианы обвивали древние стены камер, колыхались на весеннем ветру. От потолка, обглоданного временем, осталось всего ничего. Парочка крошечных ящерок пробежала по куче ржавого хлама, над которым порхали бабочки. Густые ароматы земли и трав наполняли место, где раньше была тюремная камера. Стоящий рядышком Бобби с

восхищением тарачился в дыру в стене. Его мама — археолог. Это она нашла разрушенную тюрьму.

— Как думаешь, на телеигры пускают с судимостью?

Видение исчезло, и Жанет огорчённо застонала. Ну что ж, хоть немного удалось помечтать, и на том спасибо. «На колёсах» всё-таки жить веселей. Они словно ключик к месту, где легко и покойно. Не зря док свой хлеб ест. Пусть и дальше выдаёт химию. Жанет снова открыла глаза.

Ри пялилась на неё. За решёткой, конечно, не сладко, но такой девчонке, как Ри, лучше здесь и оставаться. В большом мире она, чего доброго, перед машиной улицу перебежать удумает. Или толкнуть дозу на вид самому что ни на есть обыкновенному наркоману. На чём Ри и погорела.

— Ты чего? — спросила она.

— Ничего. В раю была, вот и всё, а тут ты со своим бухтением.

— А?

— Забудь. Ты знаешь, а ведь надо бы создать передачу, где можно участвовать только с судимостью. Мы могли бы назвать её „Враньё за награду“.

— Клёво! А проводить как будем?

Поднявшись на койке, Жанет зевнула и пожала плечами.

— Какие правила, спрашиваешь? Подумаю на досуге.

Их жилище оставалось таким же, каким было и будет всегда, во веки веков, аминь. Камера в десять шагов длиной, четыре шага от коек до двери. Гладкие цементные стены цвета овсянки, с фотографиями и открытками, прилепленными зелёной липучкой в единственном дозволенном месте. У одной стены — небольшой металлический стол; у другой — невысокая этажерка из того же металла. Слева от двери — стальная параша в полу, над которой приходилось садиться на корты, в то время как сокамерница смотрит в другую сторону, помогая создать слабую видимость уединения. Через окошко двери — двойной стеклопакет на уровне глаз — виден короткий коридор крыла

Б. Каждый дюйм и предмет в камере насквозь пропахли тюремными ароматами: потом, плесенью, дезинфицирующим раствором «Лизол».

Против желания Жанет всё-таки обратила внимание на квадратного солнечного зайца меж койками. Тот почти добрался до двери, но дальше-то уж точно не убежит — наверное? Пока вертухай не отопрёт замок (ключом или командой с поста управления), зайчик заперт здесь вместе с ними.

— А кто будет ведущим? — спросила Ри. — Каждой телеигре нужен ведущий. А призы, призы-то какие? Без крутых призов не обойтись. Детали, Жанет! Нам надо хорошенько всё-всё обдумать.

Ри смотрела на Жанет с верхней шконки, подперев голову кулаком и поигрывая упругими крашеными кудряшками. На лбу, под самыми волосами, виднелся шрам, похожий на отпечаток раскалённой решётки гриля: три глубокие параллельные полосы. Не зная, что оставило шрам, Жанет догадывалась, кто оставил: мужчина. Отец, или брат, или парень, или какой-то совсем чужой человек, пересёкшийся с ней раз в жизни. В Дулингском исправительном центре — говоря очень мягко — победители были редкостью. Вот невезучих девчонок, повстречавших плохих парней, — целая куча.

Ну а что тут делать? Ну, можно жалеть себя. Можно злиться на себя или на весь свет. Можно нанюхаться чистящих средств до одури. Можно делать что угодно (из, честно говоря, небольшого списка возможных занятий), но положение ничуть не изменится. Ещё раз проверить здоровое, блестящее Колесо фортуны доведётся не раньше очередного слушания по делу о досрочном освобождении. Тут уж Жанет никаких сил не пожалеет. Ещё бы, ведь на свободе у неё сын.

По тюрьме пронёсся гулкий грохот: надзиратель на пульте управления открыл сразу шестьдесят два замка. Шесть часов тридцать минут утра, всем строиться на общую перекличку.

— Не знаю, Ри. Ты обдумай, — сказала Жанет, — и я поразмыслю. Потом скажем друг другу, чего надумали.

Она рывком встала с койки.

2

В нескольких милях от тюрьмы, на террасе дома Норкроссов, Антон — смотритель бассейна — вылавливал мёртвых насекомых. Доктор Клинтон Норкросс подарил бассейн Лиле, своей жене, на десятилетие свадьбы. Вид Антона нередко вызывал у врача запоздалые сожаления о подарке. Вот как нынче утром.

Антон разделся по пояс — и не просто так, а сразу по двум причинам. Во-первых, день намечался жаркий. Во-вторых, чтобы пощеголять убойными кубиками на животе. Такому молодцу в самый раз красоваться на обложке романа для женщин. Захочешь ему в брюхо стрелнуть — смотри, чтоб не под острым углом, а то ещё срикошетит. Что он вообще жрал? Горы чистого белка? По какой программе он занимался? Авгиевы конюшни чистил?

Антон глянул вверх, ухмыляясь из-под блестящих на солнце чёрных очков, и помахал свободной рукой Клинту, который наблюдал за ним из окна хозяйской уборной на втором этаже.

— Господи ты боже мой, — тихо сказал под нос Клинт и помахал в ответ. — Ну за что мне это?

Бочком отодвинувшись от окна, он поглядел в зеркало на закрытой двери. Там отражался сорокавосемилетний белый мужчина: бакалавр Корнеллского университета, доктор медицины Нью-Йоркского и почётный обладатель скромного жирового пояса от Старбаксовских Гранде-Мочас. Седеющая бородка больше подходила образу не бодрого дровосека, а невежественного пиратского капитана с палкой вместо ноги.

Вот так ирония судьбы, подумал он: удивляться собственному возрасту и всё более мягкому телу. Проявления мужского самолюбия, особенно у стареющих

мужчин, имели свойство быстро выводить его из себя, и весь профессиональный опыт лишь укоротил фитиль. В общем-то, Клинт считал главным поворотом в своей врачебной карьере один случай, произошедший восемнадцать лет тому назад, в 1999-м, когда к молодому врачу пришёл потенциальный клиент по имени Пол Монпелье, охарактеризовавший свою проблему как «кризис сексуальных амбиций».

Он спросил Монпелье:

— Что вы подразумеваете под «сексуальными амбициями»?

Амбициозные люди стремятся продвигать карьеру. Вице-президент секса — где такое звание видано? Необычный эвфемизм его удивил.

— Ну... — кажется, Монпелье пытался подобрать описание получше. Прочистив горло, он наконец решился:

— Мне всё ещё хочется. У меня всё ещё бывает желание.

— Что ж, не вижу здесь необычайных амбиций. По-моему, вы вполне здоровы.

Клинт только-только закончил ординатуру и ещё не успел размягчиться. То был всего второй день полноценной работы, а Монпелье был всего вторым пациентом.

(К слову, первой его навестила девчонка, боявшаяся не поступить в колледж. В разговоре, правда, очень быстро выяснилось, что на вступительных экзаменах она набрала 1570 баллов. Клинт сказал, что результат великолепен и какое-либо лечение, как и последующие визиты, совершенно не требуется. «Пациент вылечен!» — добавил он к записям в своём блокноте из жёлтой бумаги в линейку.)

Пол Монпелье, сидящий в кресле искусственной кожи напротив Клинта, тем днём оделся в белый пуловер и стёганые штаны. Сгорбленный, положивший ногу на ногу, он держался одной рукой за туфлю. Клинт сам видел, как пациент заводит карамельно-красный спорткар на парковку под приземистым зданием конторы. На машину высокого места в пищевой цепочке угольной промышленности хватило, вот только вытянутое, осунувшееся от забот лицо напоминало

Братьев Гавс, изводивших Скруджа МакДака в старых выпусках комикса.

— Жена говорит — ну, не так многословно, но, ну, смысл понятен. Подтекст то есть. Она хочет, чтобы я от них отказался. От сексуальных амбиций. — Пол вздёрнул подбородок.

Доктор проследил за взглядом клиента. Под потолком стригли воздух лопасти вентилятора. Если Монпелье направлял туда свои сексуальные амбиции, то их точно укоротит.

— Давайте немного вернёмся, Пол. Как вообще между вами случился разговор о ваших амбициях? С чего всё началось?

— С любовницы. Рода — жена моя — узнала, разозлилась и вышвырнула меня из дома с вещами! Я объяснял, что дело не в ней, что — нужда у меня, понимаете? Женщины не всегда понимают поступки мужчин. — Монпелье поворачивал головой и со свистом выдохнул. — Я не хочу разводиться! Отчасти мне кажется, что это ей нужно смириться. Со мной смириться.

Весь вид мужчины выражал неподдельное горе и отчаяние, и Клинт представлял, какую боль он должен испытывать от внезапных лишений — жизнь на чемоданах, невкусные омлеты из столовой... Не клиническая депрессия, но близко, и бедолага заслуживал уважения и поддержки, хотя в своей беде, похоже, виноват был лишь он.

Монпелье наклонился вперёд, сминая жировые складки на пузе.

— Давайте начистоту. Мне почти пятьдесят, доктор Норкросс. Я уже не тот молодой жеребец, кем был в юности. Я поменялся ради неё. Отдал ей поводья. Мне приходилось менять пелёнки. Я ездил на все игры, состязания, скопил на колледж. Поставил галочку в каждой графе опроса по браку. Так почему же здесь мы не находим согласия? Почему это так сильно нас разделило?

Клинт молчал.

— На той неделе я был у Миранды. С ней я спал в последнее время. Сначала кинул ей палку в кухне. Потом у

неё в спальне. Почти смог в третий раз, в душе. Как же я ликовал, чёрт возьми! Целый шквал эндорфина! А потом поехал домой, мы всей семьёй дружно поужинали, затем играли в скрэббл, и все отлично провели время! Где тут проблема? По-моему, проблема надуманная. Почему мне не дают свободы? Неужели я так много прошу? Так сильно наглею?

Последовала длительная пауза. Монпелье неотрывно смотрел на Клинта, в чьей голове роились, плавали, как головастики, различные добрые слова. Не так уж и трудно их было выловить, но Клинт не захотел.

У стены за спиной пациента стояла рамка с репродукцией Хокни, которую Лила отдала мужу, чтобы тому «веселее работалось». Он собирался повесить её чуть погодя, как выпроводит Монпелье. Рядом стояли ещё не разобранные коробки с медицинской литературой.

Молодой врач тогда подумал: кто-то, конечно, должен помочь бедняге, причём обязательно в такой вот чистенькой, тихой комнате. Но обязательно ли «кому-то» быть Клинтоном Р. Норкроссом, доктором медицины?

Как-никак он трудился в поте лица ради степени, и никто на колледж ради Клинта не копил. Трудное детство. Пришлось самому платить за всё, иногда не только деньгами. Чтобы пробиться наверх, он делал такое, чего не рассказывал и никогда не расскажет жене. И ради чего всё? Ради того, чтобы помогать сексуально амбициозному Полу Монпелье?

Широкое лицо пациента искривилось в неловкой усмешке.

– Ох. Простите. Я делаю что-то неправильно, да?

– Нет, что вы, – ответил Клинт и на следующие полчаса постарался забыть о сомнениях. Они рассмотрели предмет обсуждения со всех сторон; обсудили разницу между желанием и нуждой; поговорили о миссис Монпелье и её старческих (по мнению мистера Монпелье) предпочтениях в постели; даже с удивительной непринуждённостью посмаковали воспоминания Монпелье о наиболее раннем сексуальном опыте, когда едва достигший половой зрелости

мальчик онанировал с помощью челюстей плюшевого крокодила, принадлежавшего младшему брату.

Согласно врачебному долгу, Клинт спросил, не хотелось ли Монпелье причинять себе вред. (Не хотелось.) Вслух задумался, как бы понравилось Монпелье, если бы они с женой поменялись местами. (Тот уверял, что скажет ей поступать так, как она сама считает нужным.) Кем Монпелье видит себя через пять лет? (Здесь человек в белом пуловере разрыдался.)

В конце приёма Монпелье сказал, что уже ждёт не дожждётся следующего; ну а Клинт, едва выпроводил благодарного пациента за дверь, позвонил в телефонную службу, с которой работал, и попросил отныне перенаправлять все поступающие звонки психиатру из соседнего города Мэйлока. Телефонист спросил, в течение какого срока, и Клинт ответил:

– Пока не сообщат о снежных бурях в аду.

В окне карамельно-красный спорткар Монпелье задом выехал со стоянки, чтобы навсегда скрыться из жизни доктора.

Затем Клинт позвонил Лиле.

– Алло, доктор Норкросс. – Голос жены вызвал в нём то самое чувство, которое в народе звали – по крайней мере должны были называть – пением сердца. Она спросила, как идёт второй день работы, и врач ответил:

– Ко мне зашёл самый зазнавшийся человек в Америке.

– О? Папа, что ли? Готова поспорить, картина Хокни его смутила.

Ума у Лилы не меньше, чем тепла, и крутого нрава не меньше. Любовь любовью, а случая обескуражить, поддеть она не упускала. Клинт подумал, что это ему полезно. Пожалуй, полезно почти для любого мужчины.

– Ха-ха, – отозвался Клинт. – Знаешь, ты вот говорила об одной тюремной вакансии. От кого ты про неё узнала?

**Конкурс на лучший перевод фрагмента первой главы романа Стивена и Оуэна
Кингов *Sleeping Beauties***

Организаторы: сайт "Стивен Кинг.ру - Творчество Стивена Кинга" (<http://www.stephenking.ru>) и
Виктор Вебер

Секунда-другая молчания, пока жена размышляла о том, что подразумевает вопрос.

— Клинт, ты что-то хочешь мне рассказать? — наконец спросила она.

Того, что жену расстроит решение сменить частную практику на госслужбу, Клинт нисколечко не боялся, будучи уверен в обратном.

Как же ему повезло с Лилой.

© Перевод Йанне, 2017